

Б. Томашевский

Я помню чудное мгновенье...

<...> В июне 1825... к Прасковье Александровне Осиповой приехала ее племянница (по первому мужу) Анна Петровна Керн. Пушкин, уже наслышавшийся о ней, не остался равнодушным к ее обаянию. Он вспомнил о том, что когда-то в Петербурге встретил ее в доме Олениных (это было в начале 1819). А.П. Керн пробыла в Тригорском до 19 июля. Незадолго до ее отъезда Пушкин написал обращенное к ней стихотворение «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»).

Редкое стихотворение Пушкина обладает такой популярностью, как это. Позднее М. Глинка написал на слова этих стихов свой знаменитый романс, еще в большей степени содействовавший их популярности. Стихотворение было напечатано Дельвигом в «Северных цветах» на 1827 ... <...>

Пушкин начинает стихотворение с пересмотра своего жизненного пути. Он вспоминает о первой встрече с Керн и мысленно переносится в петербургскую обстановку 1817–1820, годы, проведенные

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты ...

События оборвали эту пору жизни поэта:

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты ...

Наступили тяжелые годы изгнания:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Слезы, любовь, вдохновение — вот спутники подлинной жизни. И Пушкин вспоминает те тяжелые годы, 1823–1824, когда его постигло разочарование в жизни, когда он писал своего «Демона» и «Свободы сеятель пустынный...».

Это подавленное состояние продолжалось недолго. И к новой встрече Пушкин приходит с ощущением полноты жизни:

Душе настало пробужденье
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Последние два стиха повторяют стихи начального четверостишия. Они знаменуют возврат к юности, преодоление тоски минувших лет.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Не мимолетной встречей вызван этот прилив жизненных сил. Пробуждение души открыло Пушкину возможность упоения творчеством, вдохновенье, а вместе с тем — упоение жизнью и любовью, венчающую эту полноту жизнеощущения. Пробужденная душа раскрылась и для творчества, и для слез, и для любви. <...>

А. Белецкий проанализировал поэтическую фразеологию стихотворения Пушкина. Вот общая характеристика лексики стихотворения:

«Вслушаемся же в язык данного произведения. Он не совсем обычен. Он, так сказать «дистиллирован», максимально освобожден от всякой конкретности».

В большей части случаев слова имеют метафорический оттенок и принадлежат к поэтическим символам, утратившим свое первоначальное значение. Автор останавливается на значении слов «виденье», «божество», «слезы», «тихо». <...>

«Пять дважды повторяющихся в анализируемом тексте слов — божество, вдохновенье, слезы, жизнь, любовь — образуют целостный смысловой комплекс, относящийся к области художественного творчества».

В результате подобного исследования стихотворения Белецкий приходит к выводу, который формулирует так:

«Любовная тематика в данном стихотворении явно подчинена другой, философско-психологической тематике, и основной его темой является тема о разных состояниях внутреннего мира поэта в соотношении этого мира с действительностью.

Перед нами три этапа этих состояний. Первый, когда перед поэтом предстала некая красота, врезавшаяся в его душевную память. Второй, когда в момент душевного угнетения воспоминание утрачено, и эта утрата привела жизнь к увяданию, изъяв из нее основное, в чем жизнь заключается, — радость творчества. И третий, когда ощущение эстетической ценности жизненных явлений вновь пробудилось в сознании и душа ликует от того, что утраченная радость творчества вновь стала для нее доступна».

С этим выводом можно согласиться, но надо его несколько дополнить.

Все-таки любовь представлена в стихотворении не на равных правах с вдохновением, слезами, божеством и пр. Все-таки это основная тема стихотворения, определяющая его сюжет, то есть сцепление мыслей, на котором зиждется композиция стихотворения. Недаром оно в самом заголовке («К ***») адресовано любимой женщине, хотя бы и не названной, хотя бы и изображенной в отвлеченном и обобщенном образе идеальной женщины. Любовь в жизни и творчестве Пушкина всегда была страстью, в высшей степени воплощающей в себе ощущение жизненной полноты. Это страсть кардинальная, в какой-то степени представительствующая все страсти. И в данном стихотворении любовь определяет полноту жизненных сил. Но вопреки общепринятому толкованию Пушкин не изображает любовь как причину жизненного пробуждения. Самая последовательность речи этому противоречит. <...>

Чувство прилива жизненных и творческих сил Пушкин ощутил независимо от встречи с Керн. Но она пришла вовремя. <...>

Прилив сил требовал увенчания интенсивным проявлением страсти. Пушкин ждал. Он вовсе не так уж сильно помнил мимолетную встречу с Керн в 1819 году. Нет, он ее совершенно забыл. Он не вспоминает о ней в письмах к Родзянке. Для него это совершенно новое лицо, хотя бы его могли несколько познакомить с Керн и напомнить о ней рассказы ее родственниц, барышень Тригорского, начиная с ее ближайшей наперсницы Анны Николаевны Вульф. Но она своевременно явилась, и Пушкин не столько вспомнил, сколько забыл все, что знал о ней, ослепленный ее обликом. И чувство любви завершило полноту пробуждения: за божеством, вдохновением, слезами явилась все венчающая любовь. <...>